

ДВА БУНТА

Отрывки мыслей обывателя

НЬЮ-ІОРКЪ
1939

НИКОЛАЙ ЛАБУНСКІЙ

ДВА БУНТА

(Отрывки мыслей обывателя)

НЬЮ - IОРКЪ
1 9 3 9

Русская Типографія С. Ѳ. Филонова.
НОВЫЙ САДЪ
Югославія

От старого къ старому черезъ бунтъ и революцію.

Профессоръ Краинскій.

Мы то ваши, а земля — наша.

(Вѣковой отвѣтъ русскаго крестьянина помѣщику).

Мужичекъ... онъ чутьемъ спасетъ Россію.

Побѣдоносцевъ.

Первый бунтъ, о которомъ имѣю въ виду сказать нѣсколько словъ, разыгрался на Сенатской площади въ Петербургѣ, 14 декабря 1825 года, въ день, когда армія должна была присягнуть новому Государю.

Главными вдохновителями и зачинщиками этого бунта были представители высшаго общества и арміи, какъ-то: Пестель, Рылѣевъ, Бестужевъ, Каховскій, Муравьевъ; всѣ они были повѣшены и около 120 человѣкъ — сосланы, а гнусное дѣло ихъ вошло въ исторію подъ названіемъ „Декабристовъ". Главною цѣлью заговорщиковъ было убить Государя и измѣнить образъ правленія въ Россіи на заграничный маперъ (Англіи или Франціи), ибо всѣ идеи ихъ были вычитаны, навѣяны, заимствованы, занесены и воспріяты тогдашнимъ высшимъ обществомъ съ Запада.

Словомъ, это былъ бунтъ господскій, а не „мужицкій" (второй); самихъ-же бунтарей можно назвать любителями (amateur). Ихъ дѣйствія, иногда,

называютъ „стоячей революціей“. Крестьянство, въ своей массѣ, то есть 90% всего населенія Россіи, относилось безразлично и безучастно къ дѣйствіямъ и идеямъ декабристовъ! Тѣ изъ нихъ (крестьянъ), до которыхъ доходили слухи и свѣдѣнія о декабристахъ, считали, что цареубійство ухудшитъ ихъ и безъ того тяжелое положеніе. Никто, какъ крестьянинъ, въ своей толщѣ, понималъ, что безъ Царя нѣтъ жизни для Россіи; никто, какъ онъ (крестьянинъ), глубоко вѣрилъ, что только Царь можетъ дать землю и волю и ужъ, конечно, никто, какъ крестьянинъ, глубоко и тонко, понималъ, что единственнымъ препятствіемъ для Царя въ удовлетвореніи крестьянъ былъ толстый слой населенія, отдѣляющаго его отъ Царя, для котораго разстаться съ землей добровольно — равносильно было, что разстаться съ жизнью. Такъ крѣпко и цѣпко земельные владѣльцы держали землю и душу крестьянина!

Въ выступленіяхъ и дѣйствіяхъ декабристовъ русскій крестьянинъ инстинктивно чувствовалъ какую-то ложь и обманъ. Установлено, и это не составляло секрета для крестьянина, что на собраніи тайныхъ обществъ декабристовъ часто прорывалась мысль: „Дураки убивать будутъ, а умные станутъ въ сторонѣ, чтобы не запачкаться. Штабсъ-капитанъ Бестужевъ“. Это не была, брошенной на вѣтеръ, фраза; она была реальной, горькой правдой и затаенной мыслью декабристовъ!

Если же обратиться къ другому установленному факту, что среди декабристовъ было много владѣльцевъ земель и душъ крестьянскихъ, то станетъ понятнымъ и безспорнымъ фактъ полнаго недовѣрія къ нимъ, которое съ теченіемъ времени, вылилось въ страшную форму лютой ненависти уже ко всему промежуточному слою; о чемъ будетъ сказано ниже.

Что же касается измѣненія образа правленія, то крестьянинъ относился къ этой барской затѣѣ совершенно безразлично. Ни одно изъ средствъ и

идей заграничнаго производства и образованія, въ смыслѣ „образа правленія", не примѣнимы въ Россіи и чужды русскому народу. Русскій крестьянинъ безъ собственной земли — рабъ! Крестьянинъ, собственникъ земли, и крѣпостничество (рабство) — понятія не совмѣстимыя; если собственникъ и подпадалъ въ положеніе рабское, то это было явленіе весьма и весьма рѣдкое. Но постояннымъ оно никогда быть не можетъ.

У русскаго крестьянина, какъ у человѣка вѣрующаго въ Бога, крѣпко на крѣпко засѣло въ голову, что нельзя безнаказанно переступить черезъ кровь...

Сущность была, отнюдь, не въ измѣненіи образа правленія, а въ вѣковомъ естественномъ помыслѣ и надеждѣ, рождающейся и умирающей съ нимъ: — имѣть собственную кормилицу землю, право на жизнь и свободу исповѣданія православной Вѣры. Къ этому вопросу мы еще вернемся въ дальнѣйшемъ.

Касаясь вопроса о землѣ, то есть о самомъ важнѣйшемъ для крестьянъ вопросѣ, считаю, что даже повтореніе въ изложеніи не будетъ большой, погрѣшностью.

Вѣдь что бы мы ни предпринимали, что бы ни дѣлали или только сдѣлали шаги для дѣла, каждаго изъ насъ, на этой грѣшной землѣ, преслѣдуетъ единственная мысль о женщинѣ... То же самое должно сказать о русскомъ крестьянинѣ, съ тою только разницей, что его неотвязно преслѣдуетъ земля, земля и земля; ибо чарующее и могущественное свойство земли — безгранично: земля — любовь, а съ землей приходитъ къ нему и женщина!

И если изъ за женщины начинались и свершались кровопролитныя войны; то и русскій крестьянинъ, изъ за *куска собственной земли*, на нашихъ глазахъ, и чему мы являемся еще живыми свидѣтелями, истребилъ милліоны русскихъ людей, сокрушилъ величайшую въ мірѣ Имперію и при-

чинилъ разрушенія, духовныя и матеріальныя, которыхъ исторія не знаетъ съ сотворенія Міра!

Всѣ долговременныя, кабинетныя хитросплетенія декабристовъ были разсѣяны и прекращены, буквально, въ нѣсколько часовъ на Сенатской площади.

Ощутительной потерей для Государя — была смерть благороднѣйшаго, преданнаго и безстрашнаго графа Милорадовича, павшаго отъ предательской руки пьянаго Каховскаго.

Съ появленіемъ-же на площади Царя-рыцаря, Николая Павловича, и послѣ залпа, по Его повелѣнію, изъ орудій, вся „стоячая революція" разбѣжалась и разсѣялась, какъ дымъ...

Здѣсь умѣстно будетъ остановиться на небольшомъ обстоятельствѣ. Милорадовичу, декабриствующіе его противники не могли ничего другого придумать для очерненія его, какъ прилѣпить ему балерину Катеньку Телешеву; точно также, какъ черезъ девяносто слишкомъ лѣтъ революціонеры-профессіоналы тыкали въ глаза балериной Кшесинской. Неужели всѣ они были свободны отъ естественной человѣческой натуры и ставили себѣ въ заслугу быть: дегенератами, импотентами и кретинами?

Въ то старое доброе время: ссылали съ почетомъ, удобствами и вѣшали съ музыкой...

Многіе заграницей пожелали-бы стать въ положеніе ссылаемыхъ декабристовъ! Везутъ тебя на тройкѣ съ „дуракомъ" на облучкѣ; въ дорогѣ оберегаютъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей; на станціи — готовый обѣдъ и ты ѣшь его первый, а потомъ уже ѣдятъ „дураки"; ямщикъ хлещетъ кнутомъ по спинамъ лошадей, чтобы доставить пассажировъ во время; всѣ встрѣчаютъ тебя съ почетомъ и уваженіемъ... Словомъ, не жизнь, а масляница!

Совершенно не такъ поступаетъ теперешняя власть въ лицѣ революціонеровъ-профессіоналовъ. Въ ссылку (это уже счастье!) гонятъ пѣшкомъ, бо-

сыми и едва прикрытымъ тѣломъ; по прибытіи на этапъ, первыми ѣдятъ конвоиры, а арестантамъ бросаютъ какую нибудь дрянь и то не всегда; для ускоренія доставки къ мѣсту ссылки, хлещутъ кнутомъ не по спинамъ лошадей, какъ было прежде, а по спинамъ сопровождаемыхъ...

По прибытіи на мѣсто ссылки, положеніе ссыльныхъ, въ то время, становилось еще лучше. Приведу маленькіе открывки изъ „Необычайнаго Губернатора" Т. Б.

> „Помню, какъ, катаясь въ веселой компаніи ссыльныхъ на тройкѣ, я выскакивалъ на всемъ ходу изъ саней и бѣгалъ въ перегонку съ лошадьми... У насъ была довольно богатая касса, недурная библіотека, помѣщавшаяся въ спеціально снятой квартирѣ. Часто происходили многолюдныя и шумныя собранія... Жилось намъ въ такой обстановкѣ хорошо и привольно..."

Продолжая мою мысль о бунтахъ и прежде чѣмъ подойти ко второму бунту, по пути считаю необходимымъ упоминать о событіяхъ имѣющихъ мѣсто въ наше уже время; кромѣ того, буду говорить о томъ, о чемъ мало говорятъ или ничего не говорятъ; вѣрнѣе — не принято говорить.

Декабристы отлично понимали, чѣмъ пахло первое и самое главное, — надѣленіе крестьянъ собственной землей...

А потому они жевали и пережевывали „образы правленій" съ тѣмъ, чтобы на крови крестьянъ вознестись еще на высшее положеніе и посты. Этотъ обманъ революціонерамъ (amateur) не удался: крестьянинъ на ихъ удочку тогда не пошелъ. И только черезъ девяносто съ лишнимъ лѣтъ, революціонеры-профессіоналы поймали его и совершили самый *подлый и величайшій обманъ*, обѣщавъ крестьянину собственную землю...

Декабристы!... Много работъ было посвящено этой волнующей темѣ; много ума, энергіи и денегъ

было затрачено во имя ея. Можно сказать, что русская интеллигенція жевала и пережевывала ее, въ повременной и періодической печати, почти цѣлое столѣтіе!

Но странное явленіе въ русской жизни: — 90% всего населенія, то есть крестьянъ, относилось безучастно ко всѣмъ этимъ переживаніямъ. Есть даже много основаній утверждать, что крестьянинъ смотрѣлъ на русскую интеллигенцію, какъ на своихъ враговъ. Словомъ, это были, чуждые другъ другу, два міра!

С. Мельгуновъ. „Дѣла и люди Александровскаго времени“. Беру выписку изъ главы „Дворянинъ и рабъ“.

> „Да, между крѣпостнымъ правомъ и невольничествомъ не было разницы!.. Грибоѣдову казалось, что иностранецъ, незнакомый съ русской исторіей, конечно, заключилъ бы, что „у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ“. Нѣтъ, это было не такъ: рабъ дѣйствительно былъ лишь двуногой скотиной „безъ роговъ“ — матерей отнимали отъ дѣтей, чтобы онѣ откармливали своей грудью щенковъ съ помѣщичьей псарни. Большаго униженія человѣческаго достоинства, казалось бы, и нельзя было бы придумать!“
>
> „Помѣщикъ Муромцевъ кричалъ крѣпостнымъ: „Тѣла вашего наѣмся, крови вашей напьюсь“.

Изъ того же труда С. Мельгунова можно узнать много печальныхъ фактовъ скорбной жизни русскаго крестьянина. Даже, если принять во вниманіе, что самъ Мельгуновъ — соціалистъ и къ его повѣствованію надо отнестись съ нѣкоторой осторожностью, то и тогда, взявъ подъ прессъ сообщаемые имъ факты, остается тяжелый и горькій осадокъ прошлой жизни.

Правда, въ 20 годахъ прошлаго столѣтія, сообщается объ отрадномъ фактѣ того времени,

то есть объ возникновенiи обществъ подъ названiемъ „Союзъ благоденствiя“. Вступающимъ членамъ этого союза ставилось условiемъ отказываться отъ права владѣть крѣпостными; но эта прекрасная идея никакого практическаго значенiя не имѣла, какъ проводимая „по декабристски“: — красивый, ничего не значащiй жестъ... (излюбленная манера русской интеллигенцiи).

На самомъ дѣлѣ, какая же польза была крестьянину: получить только свободу, а быть обреченнымъ на голодъ? Ибо безъ собственной земли онъ впадалъ еще въ горшее рабство!

Словомъ, все складывалось такъ, что у крестьянина не было никакого основанiя относиться доброжелательно къ русской интеллигенцiи, а о довѣрiи къ ней и говорить не приходится. Возьмемъ, напримѣръ, прославленнаго поэта и писателя земли русской Некрасова; этого несравненнаго поборника и пѣвца народнаго горя и скорби. Оказывается, и это документально установлено, что онъ *поролъ* своихъ крѣпостныхъ, да какъ? Въ этомъ отношенiи онъ былъ настоящiй катъ!..

„А насчетъ землицы-то?“ — спросилъ бы крестьянинъ. — „Вѣдь, съ собственной землей, мы и сами такiе, чтобы кого попороть!..“

Въ наше уже время, по крайней мѣрѣ, за послѣднiя нѣсколько десятковъ лѣтъ, при встрѣчѣ съ простолюдиномъ и разговаривая съ нимъ, можно было легко наблюдать проявленiе страшной ненависти его къ русской интеллигенцiи. Напримѣръ, если вы спросите его, гдѣ такой-то? Слѣдуетъ отвѣтъ, но съ неизмѣннымъ добавленiемъ слова „гадюка“...

Непрiязненное отношенiе къ русскому интеллигенту со стороны простолюдина, проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ условiяхъ повседневной русской жизни: въ религiи, театрѣ, печати и во многомъ другомъ.

Если глава безбожниковъ Губельманъ-Ярославскiй въ совѣтской Россiи преслѣдуетъ вѣру

въ Бога, искореняетъ и уничтожаетъ всѣхъ и все, напоминающее о Немъ, то это понятно и объяснимо: *безъ уничтоженія всего*, чѣмъ жилъ до сихъ поръ православный человѣкъ, то есть вѣрою въ Бога, теперешнее правительство революціонеровъ-профессіоналовъ (большевиковъ) не могло бы просуществовать и нѣсколько мѣсяцевъ; въ этомъ преслѣдованіи вѣры участвуютъ совѣтское правительство и всѣ его вооруженныя силы.

Но совершенно непонятнымъ является плевокъ въ душу народную со стороны писателя Толстого, то есть его писанія объ отрицаніи Бога!

Приведу выдержку изъ „Толстой — вѣроучитель" П. Боборыкина.

> „Сначала они очень интересовались этимъ ученіемъ, считая его чистымъ евангелизмомъ; но когда имъ стало „доподлинно" извѣстно, что Толстой, признавая Іисуса изъ Назарета однимъ изъ вѣщателей божественной правды, не признаетъ въ Немъ однако же Бога, Сына Божія, вторую Vпостась Божества, они перестали дружить съ нимъ, и отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, самыхъ развитыхъ и начитанныхъ, я слыхалъ (это было среди рязанскихъ молоканъ), что, можетъ быть, онъ-то и есть *Антихристъ*, возвѣщенный въ Новомъ Завѣтѣ". Тутъ ужъ и не простолюдинъ долженъ назвать Толстого „гадюкой"...

Возьмемъ, для примѣра, одну изъ благонамѣренныхъ газетъ въ Россіи „Русскія Вѣдомости"; она существовала около пятидесяти лѣтъ; издавалась и редактировалась мудрыми и опытными мужами въ этомъ дѣлѣ; ее такъ и называли профессорской газетой; все, что помѣщалось въ ней, было строго провѣрено: каждая статья и каждое сообщеніе — чисто отшлифованный алмазъ!

Знамя газеты: „Завѣтъ честнаго служенія идеямъ труда и демократіи и великимъ началамъ справедливости, права и свободы".

Чудныя и красивыя слова!

Къ сожалѣнію, газета издавалась и печаталась на „лунѣ“ и мысли ея до „земли“ не достигали. А если бы, когда-либо и дошли до нея, то русскій крестьянинъ спросилъ-бы: „А какъ насчетъ землицы-то“?..

Вѣдь въ то время, когда на высяхъ редакція и читающая публика занимались самовосхваленіемъ и самоуслажденіемъ, то на землѣ, все больше и больше слышны были глухіе гулы; отъ нихъ морозъ по кожѣ бѣгалъ... Наконецъ, наступило время, когда барскую затѣю, то есть „игрушки“ въ демократію, надо было оставить... И будьте увѣрены, если спросить простолюдина, о членахъ редакціи Р. В. или о читающей публикѣ, — получите отвѣтъ съ неизмѣннымъ добавленіемъ „гадюки“.

Большой смѣлостью, конечно, будетъ утверждать, что русскій театръ послужилъ немалымъ основаніемъ для разъединенія и чуждаемости между интеллигенціей и простолюдиномъ. Но если ближе и глубже взглянуть на это, съ виду кажущееся страннымъ, утвержденіе, то можно прійти къ выводу, что въ немъ есть очень большая доля правды. Вѣдь естественно, что русскій интеллигентъ хотѣлъ жить и знать свой родной народъ, какъ самъ составляющій: плоть отъ плоти и кость отъ кости его?

Къ сожалѣнію, въ силу многихъ и сложныхъ причинъ, русскій интеллигентъ ознакамливался съ жизнью крестьянъ и самую жизнь съ нимъ перенесъ на подмостки театра...

Живого-же и непосредственнаго соприкосновенія съ нимъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, избѣгалъ; это и послужило къ раздѣленію и непониманію другъ друга.

Воспроизвести въ воображеніи и поставить на сцену жизнь русскаго крестьянина было задачей непосильной, даже для выдающихся силъ театральнаго искусства. Духовная мощь русскаго крестьянина — слишкомъ велика, многогранна и сложныя

душевныя настроенія его съ большимъ трудомъ поддаются имитаціи; поэтому наигранныя драмы и комедіи на сценѣ являлись очень далекими, сравнительно съ дѣйствительной и реальной жизнью русскаго крестьянина.

Крестьянинъ, когда ему приходилось попасть въ театръ, оставался неудовлетвореннымъ: онъ чувствовалъ фальшъ въ игрѣ не потому, конечно, что онъ былъ такой критикъ или знатокъ игры артиста, а потому, что чувство его не обманывало, какъ не можетъ обмануть охотникъ перепела фальшивой байкой...

Но хуже всего было, когда въ театрѣ ставилась пьеса въ угоду и для услажденія публики, гдѣ высмѣивались: религіозный культъ, духовенство и святой трудъ русскаго хлѣбороба; это глумленіе всегда оставляло горькій осадокъ въ душѣ крестьянина.

Чѣмъ же проявлялась непріязнь крестьянъ къ театральнымъ дѣятелямъ?

Возьмемъ, для примѣра, народный домъ имени Императора Николая II. Уже по самому названію „народный“, онъ долженъ былъ пользоваться уваженіемъ крестьянъ. А между тѣмъ, кому только изъ посѣщающихъ его неизвѣстны случаи, когда въ первыхъ рядахъ креселъ можно было найти: бумажные свертки со вшами, липучки и прочую дрянь?

Приведу небольшую справку о нѣкоторыхъ исключеніяхъ изъ Устава о воинской повинности въ Россійской Имперіи или, какъ его называютъ, — Уставъ о всесословной повинности 1874 года. Самъ по себѣ Уставъ предусматривалъ равенство для всѣхъ сословій Россіи по отбыванію воинской повинности. Исключеній изъ Устава было много. Остановлюсь на тѣхъ, которыя, такъ или иначе, касались русскаго крестьянина: исключеніемъ пользовались лица съ высшимъ образованіемъ (сокращенные сроки службы) и давались извѣстныя льготы до окончанія образованія.

Отъ обязательной повинности освобождались всѣ горскія народности (мусульмане) Кавказа и Закавказья; въ послѣднемъ нѣкоторыя народности (христіане) освобождались частично. Напримѣръ, отъ воинской повинности освобождались *семейныя-одиночки*; это была большой важности льгота, которой не пользовался хозяинъ русской земли, — крестьянинъ. Казалось бы, что по самой идеѣ, — всеобщей воинской повинности, императивомъ долженъ быть „налогъ крови“, а не другіе мотивы?

Здѣсь нахожу необходимымъ удалиться въ сторону и сказать нѣсколько словъ о Кавказѣ. Прекрасный край, какъ Кавказъ, былъ вѣковымъ полемъ чести для русскихъ воиновъ, при покореніи его. Край, съ его красотами и разноплеменнымъ населеніемъ, былъ мѣстомъ для вдохновенія нашихъ поэтовъ: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова.

Покореніе Кавказа выковало лучшихъ и талантливыхъ военноначальниковъ, какъ Ермоловъ, Паскевичъ, Барятинскій, Воронцовъ, Евдокимовъ и другихъ.

Самое покореніе Кавказа никогда не носило характера закабаленія его, а населеніе не дѣлали рабами. Какъ примѣръ, Грузія вошла добровольно въ составъ Россійской Имперіи, освободившись отъ восьмисотлѣтнихъ кровавыхъ набѣговъ на нее персіянъ.

Въ цѣломъ рядѣ выдающихся мужей Кавказа, особо стоитъ такой дѣятель на немъ, какъ нашъ великій патріотъ, администраторъ и писатель — Грибоѣдовъ. Его несравненнымъ знаніемъ быта восточныхъ народовъ, его огромными административными способностями и талантомъ въ управленіи ими, пользовались и руководствовались всѣ высокіе правители Кавказа какъ въ его время, такъ — значительное время послѣ его смерти. Онъ былъ душой въ управленіи Кавказскими народами, съ его безсмертнымъ правиломъ: „Восточные народы признаютъ только силу, повинуются только силѣ, уважаютъ и боятся только силы“.

Къ великому сожалѣнію, наши послѣдующіе правители Кавказа упускали и упустили это правило.

По ироніи судьбы, русскому крестьянину, какъ хозяину земли, пришлось на своей шкурѣ испытать это отъ представителей маленькихъ народцевъ Кавказа.

Русскіе няньчились съ Кавказомъ, какъ съ „писаной торбой"...

Офицеры въ шутку называли Кавказъ „Зоологическимъ садомъ".

Кромѣ воинской повинности, въ отношеніи населенія со стороны правителей Кавказа, какъ изъ рога изобилія, сыпались красивые жесты. Например̀ъ, насильственное вырываніе дѣтей туземцевъ изъ ауловъ, для полученія ими средняго и даже высшаго образованія.

Въ Ставропольской гимназіи, на Кавказѣ, было цѣлое отдѣленіе для такихъ дѣтей, съ удобствами, примѣнительно для мусульманъ: — пищи, „намаза" и прочаго.

Нигдѣ, какъ только на Кавказѣ, русскій солдатъ изъ крестьянъ, рѣзко и наглядно, не могъ видѣть такъ много ненормальностей и недоумѣній.

Нашему, великому страстотерпцу, офицеру Кавказской арміи приходилось на своихъ плечахъ сносить много „пріятной горечи" отъ солдата...

Я не говорю о трудностяхъ походной и боевой жизни. Нѣтъ! Это, можно сказать, нисколько не преувеличивая, было удовольствіе. А вотъ повседневная проза жизни съ солдатомъ-крестьяниномъ, когда вся жизнь офицера проводится на службѣ, при пытливомъ умѣ солдатской массы, при наличіи, что эта то масса является лучшимъ цвѣтомъ всего населенія Россіи, ибо, по Уставу о воинской повинности, на службу брались молодые люди безъ какихъ-либо физическихъ и умственныхъ недостатковъ.

Попробуйте-ка, напримѣръ, обойти молчаніемъ вопросы: почему менониты (нѣмцы) не служатъ?

Почему духоборы даже не берутъ оружія въ руки? Или, вы намъ говорите, что де мы хозяева земли, а почему на Кавказѣ насъ подстрѣливаютъ туземцы, какъ перепеловъ?

А проклятый земельный вопросъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, не сходилъ съ языка. Иногда эти вопросы были столь мучительны, что офицеру приходилось: перекрестить вопрошающаго, выругать его и уйти — выпить рюмку вина...

Конечно, офицеры отлично понимали, что обезпеченный землей солдатъ изъ крестьянъ — *залогъ строжайшей дисциплины и побѣды.*

Вотъ почему, можетъ быть, рядовые офицеры такъ горячо сочувствовали рѣшенію грознаго земельнаго вопроса.

Считаю необходимымъ привести цѣликомъ выдержку изъ очерка А. Кизеветтера „Валишевскій объ Александрѣ I".

„Такимъ образомъ, согласно изображенію автора, получается безвыходный тупикъ: абсолютизмъ мертвилъ живыя силы народа и государства, но попытки устранить этотъ абсолютизмъ могли привести Россію только къ катастрофѣ и порабощенію страны новыми насильниками.

Въ чемъ же заключалась причина такой роковой аномаліи? Она заключалась, по мнѣнію Валишевскаго, въ свойствахъ самого русскаго народа. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего сочиненія нашъ историкъ выдаетъ русскому народу аттестатъ, равносильный волчьему паспорту. На стр. 184 т. I мы читаемъ: „страна, въ которой предстояло восторжествовать большевизму, всегда была ареной всякаго рода чрезмѣрностей; робость и наглость одинаково хватали тамъ черезъ край; точно также, какъ духъ критики неизмѣнно былъ проникнутъ отрицательнымъ характеромъ, не обнаруживая способности къ творчеству и силѣ созиданія."

Какая это наглость и какой поклепъ на русскаго крестьянина! Со времени введенія крѣпостного права на Руси и до настоящаго времени, всѣ, такъ называемые, крестьянскіе безпорядки и волненія имѣли въ своей основѣ собственную землю и только землю. За обладаніе кускомъ собственной земли, какъ сказано было выше, нашъ крестьянинъ не пощадилъ и погубилъ величайшую въ мірѣ Имперію.

И нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что существующій нынѣ, правящій классъ въ Россіи (извѣчные враги православія и вообще враги всѣхъ христіанъ — жиды; международные жулики и авантюристы изъ русскихъ инородцевъ — грузинъ и прочихъ) будетъ сметенъ съ лица земли крестьянами; *будетъ смытъ великій обманъ революціонеровъ-профессіоналовъ* и опять таки за обладаніе кускомъ собственной земли.

Никакое воспитаніе совѣтскаго молодняка въ Россіи, никакая чека, никакой чонъ, вохра, комсомолъ, никакой терроръ и ужасы не смогутъ вытравить естественнаго, Богомъ даннаго крестьянину, желанія имѣть свою собственную кормилицу землю, право на жизнь (читай книжку Божій Бичъ за 1938 годъ) и свободу исповѣданія православной Вѣры. Ибо онъ изъ земли созданъ, землей живетъ и въ землю уйдетъ...

Изумительная судьба православнаго крестьянина святой Руси — всегда его сопровождаетъ въ жизни невезеніе; но никому и никогда не прощалось его ограбленіе, переносимыя имъ страданія и оскорбленія. Словомъ, ни одно изъ этихъ преступленій, въ отношеніи его, не оставались безнаказанными: — будь то — отъ вѣчнаго закона возмездія или оно исходитъ отъ Создателя Законовъ всѣхъ законовъ на землѣ... чего не наблюдается у другихъ народовъ Міра. Править сытыми, обезпеченными собственной землей и свободными крестьянами — прерогатива Русскаго Царя. Править нищими и рабами —сущность и душа соціалистовъ.

Поэтому Корона, въ теченіе послѣдняго столѣтія, избѣгая великихъ потрясеній, стремилась къ разрѣшенію, первой важности, земельнаго вопроса, то есть о надѣлѣ собственной землей крестьянъ. Сюда относятся: надѣлы, выморочныя земли, откупы, выкупы, переселенческія мѣры, поселенія въ завоеванныхъ краяхъ, раздача земель ушедшихъ изъ страны инородцевъ, ссыльные надѣлы (скрытая миграція), земельные банки, отруба (Столыпинъ) и такъ далѣе.

Разрѣшеніе этого грознаго вопроса Корона довела-бы до благопріятнаго конца, если-бы на пути не стали, недоброй памяти, такъ называемые „прогрессивные элементы“ въ Россіи.

Къ тому же задача Короны въ рѣшеніи земельнаго вопроса, въ значительной мѣрѣ, облегчалась тѣмъ, что къ тому времени, крупные землевладѣльцы (помѣщики) изъ страшныхъ львовъ превратились уже въ барашковъ; но еще болѣе значительный фактъ — именно изъ ихъ среды нарождалась мысль *о нормѣ подушнаго владѣн'я землей*.

Никогда не забуду эпизода изъ аграрныхъ безпорядковъ 1905 года. Одинъ помѣщикъ, за много лѣтъ до указаннаго событія, роздалъ свои огромныя угодья крестьянамъ и себѣ оставилъ кусокъ земли. Къ нему въ домъ вваливается толпа крестьянъ съ угрожающимъ видомъ. Помѣщикъ спрашиваетъ ихъ: „Что вамъ надо?“ При этомъ добавляетъ о своей жертвѣ крестьянамъ. Отвѣтъ: „Мы все понимаемъ хорошо; понимаемъ и то, что ты хорошій человѣкъ; но тебя надо убить для порядка. . .?! (Крестьянская логика).

Въ сущности ихъ (революціонеровъ-профессіоналовъ) мало интересовалъ крестьянскій земельный вопросъ по существу: они жаждали власти и только власти; имъ не нужно и совсѣмъ не въ ихъ интересахъ, чтобы крестьянинъ былъ обезпеченъ и свободенъ; при этомъ ихъ обуревала какая-то зависть, что Корона рѣшитъ этотъ вопросъ безъ

нихъ и такимъ образомъ вырветъ большой козырь ихъ вліянія.

Мало того, они всячески тормозили всѣ начинанія въ земельномъ вопросѣ. Примѣры. Въ Германіи, много лѣтъ тому назадъ, по иниціативѣ Короны, былъ изданъ законъ о соціальномъ обезпеченіи и вообще обо всемъ касающемся рабочаго вопроса. Этотъ законъ въ началѣ соціалистами былъ проваленъ; но когда Корона предложила проектъ въ болѣе либеральномъ духѣ, чѣмъ законъ соціалистовъ, то законъ прошелъ и утвержденъ, какъ того желала Корона. Онъ дѣйствуетъ и до сихъ поръ въ Германіи.

Наши-же головотяпы-соціалисты стремились стать на пути всѣхъ великихъ начинаній Русской Короны и шли на страшныя злодѣянія: Императоръ Александръ II (Освободительная реформа), Столыпинъ (Земельная реформа).

Видно, что эта порода людей (соціалисты) во всѣхъ странахъ одинакова: — способны только разрушать, но не созидать!

Вотъ это, между прочимъ, и послужило однимъ изъ главныхъ основаній второго бунта, о которомъ будетъ сказано ниже.

Краткое описаніе упоминаемаго бунта, мною изложено въ брошюрѣ „Нѣмцы и Грузины“. Въ виду же того, что она была издана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, мною приводится выборка изъ нея.

„Кромѣ жестовъ, правящіе на Кавказѣ часто силились, такъ или иначе, показать пріятное лицо передъ туземцами, а особенно передъ грузинами; но выходило похожимъ на: „мы ихъ иконами, а они насъ пулеметами“. Отъ хитраго восточнаго человѣка, каковымъ является и грузинъ, совершенно невозможно скрыть слабость власти (безволіе), какъ - бы она ни декорировалась.

Сначала робко, какъ ночная тать, по-змѣиному, заметая слѣды, валили одного изъ слугъ Царя и

Родины; потомъ злодѣянія эти стали учащаться: перешли съ ночныхъ — на убійства днемъ; на ряду съ этимъ, наглость грузинъ дошла до предѣловъ полнаго террора: убитые солдаты, казаки, чины полиціи разныхъ ранговъ и другіе исчислялись уже не единицами, а группами.

Наконецъ, въ началѣ 1906 года, въ Тифлисѣ было совершено злодѣяніе: среди бѣла дня былъ убитъ бомбой начальникъ штаба Кавказскаго военнаго округа генералъ-маіоръ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Грязновъ.

Убійство это потрясло всю Кавказскую армію; въ Тифлисѣ, въ буквальномъ смыслѣ черезъ два-три часа послѣ убійства, собрались въ штабѣ округа всѣ офицеры гарнизона: не было ни одного полка, баталіона, батареи и команды, офицеры которыхъ не прибѣжали бы въ штабъ: всѣ отпускные, командированные изъ другихъ частей Кавказа по какому-либо случаю и, даже нѣкоторые изъ госпиталей и лазаретовъ приняли участіе въ этомъ собраніи. Словомъ, вся душа Кавказской арміи была здѣсь. Это, никогда дотолѣ не бывалое, собраніе офицеровъ, за все время существованія арміи на Кавказѣ, имѣло свои, изъ ряда вонъ выходящія, причины. Кромѣ изложеннаго мною, въ краткихъ штрихахъ, происходящаго въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ и накалившихъ уже армію до отказа, главнымъ побудительнымъ стимуломъ этого собранія было сознаніе офицеровъ, что въ лицѣ убитаго молодого генерала Грязнова, былъ ударъ по предначертаніямъ Государя и по Россіи!

Грязновъ, за короткое время пребыванія на Кавказѣ, стяжалъ общую любовь арміи, какъ волевой офицеръ. Ни для кого изъ офицеровъ не составляло секрета, что Грязновъ Государемъ предназначался на высшій постъ на Кавказѣ. Враги Россіи учли грозную для нихъ опасность въ дѣйствіяхъ Грязнова. Съ другой стороны, въ актѣ убійства Грязнова должно ясно видѣть посрамленіе для тѣхъ, кто ставили въ вину Государю Его-де

неумѣніе выбирать лицъ на важные и отвѣтственные посты.

Два историческихъ лица: Минъ и Грязновъ являются полнымъ опроверженіемъ этого мнѣнія, когда Государь, какъ Русскій Самодержецъ, былъ свободенъ въ Своемъ выборѣ!

Дѣйствія Мина извѣстны всей Россіи. Онъ былъ убитъ *послѣ* исполненнаго повелѣнія Государя; Грязновъ, къ сожалѣнію, былъ убитъ *до* исполненія воли Его.

Собраніе офицеровъ въ штабѣ округа носило чисто дѣловой характеръ, хотя въ повышенномъ настроеніи: одинъ изъ молодыхъ офицеровъ, стоя на столѣ, излагалъ собравшимся историческій ходъ событій, предшествующихъ страшному преступленію дня. При голосованіи, большинство предлагало сегодня же устроить кровавую баню грузинамъ; были горячія головы, предлагавшія напомнить правителю Баязетъ...

Наконецъ всѣ, единогласно и единодушно, требовали немедленнаго истребленія „лучшихъ“ людей Грузіи.

Прибывшій на собраніе „уговаривающій“ генералъ, къ которому обращено было это требованіе, заявилъ: „Будутъ приняты мѣры“!

Надо при этомъ сказать, что собравшіеся въ этотъ день офицеры были уже въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи отъ временъ Грибоѣдова, Ермолова, Паскевича и другихъ, но жертвенность ихъ, любовь къ Родинѣ, единодушное стремленіе защищать честь, величіе и достоинство Россіи, необходимость остановить пролитіе крови и уничтоженіе хозяина земли русской — простолюдина и его генераловъ, были совершенно одинаковы, какъ во времена жизни этихъ великихъ мужей. Или, короче говоря, — въ дни злодѣянія Кавказская армія была въ настроеніи, когда она творитъ чудеса.

Но случилось что-то кошмарное, отвратительное, унизительное, подлое и трусливое; при одномъ

воспоминанiи объ этомъ, становится стыдно и стыдно безъ конца, хотя со времени описаннаго злодѣянiя прошло уже около тридцати лѣтъ!

Какъ и слѣдовало ожидать, что обѣщанное „принятiе мѣръ“ людьми безъ воли создало болѣе горшее положенiе, а главное — большее кровопролитiе.

Вмѣсто того, чтобы немедленно переловить и посадить на колъ, по персидскому образцу, вожаковъ Грузiи, что было вполнѣ возможно при тогдашнемъ настроенiи армiи и полной освѣдомленности о мѣстѣ нахожденiя этихъ лицъ какъ охраннаго отдѣленiя, такъ и полицiи, у которыхъ всѣ они были „на мушкѣ“, — началось безцѣльное, изнурительное и безрезультатное передвиженiе войсковыхъ частей...

Результатомъ этого — бодрое и увѣренное настроенiе офицеровъ перешло въ унылое и озлобленное... Начались выявляться нотки въ сужденiи офицеровъ, которыхъ раньше не замѣчалось; напримѣръ, по адресу „уговаривающаго“ и выше, вслухъ, говорилось: георгiевскiй крестъ на ихъ груди былъ, какъ-бы, знакомъ трусости, а академическiй значекъ — патентомъ на глупость... А „лучшiе“ люди Грузiи подняли голову и обнаглѣли до нельзя!“

Бунтъ Кавказской армiи ставилъ своей задачей, кромѣ всего: очищенiе путей къ коренной реформѣ грознаго земельнаго вопроса; *истребленiе главарей революцiонеровъ-профессiоналовъ*; отнюдь не измѣняя образа правленiя; ни подъ какимъ видомъ нельзя было-бы думать о покушенiи на жизнь Государя, ибо Самъ Императоръ Николай II былъ преисполненъ желанiя и вѣры въ проведенiи этой реформы.

Если у декабристовъ въ 1825 году поводомъ къ бунту была присяга новому Государю; то у Кавказской армiи въ 1906 году, поводомъ было убiйство генерала Грязнова.

Никто и никогда не брался, не желалъ и не пытался пролить свѣтъ на это, огромной важности историческое событіе въ Россійской Имперіи, то есть на бунтъ въ славной и героической Кавказской арміи. По своей грандіозности задуманнаго плана, по самой идеѣ онъ былъ діаметрально противоположнымъ декабристскому. Словомъ, какъ сказано мною выше, бунту декабристовъ отдано *все* со стороны образованнаго класса, а Кавказскому — *полное молчаніе*, несмотря на то, что многіе участники этого бунта еще живы и могутъ дать цѣнный матеріалъ о немъ.

Можно презирать, можно, даже, проклинать высшій командный составъ Кавказской арміи за то, что онъ *обманулъ* армію (по недомыслію или по другимъ причинамъ) не давъ ей воспользоваться, рѣдкимъ въ исторіи Россіи, случаемъ спасти Родину. Они, по своему безволію, погубили себя и окружающихъ ихъ.

Но великій и гнусный *обманъ* русскаго крестьянина въ полученіи куска собственной земли не можетъ и не долженъ быть забытъ. Болѣе вѣка лелѣянную надежду крестьянинъ осуществитъ при слѣдующемъ натискѣ на преступный правящій классъ въ Россіи, въ лицѣ революціонеровъ - профессіоналовъ.

Вотъ это и будетъ тотъ путь, по которому крестьянинъ спасетъ свою Родину!

Много и очень много говорятъ и пишутъ заграницей объ интервенціи въ Россію и отдѣленіи части русской земли! Откуда идутъ эти слухи? Кому они нужны — совершенно непонятно.

Въ брошюрѣ „Нѣмцы и Грузины", три года тому назадъ, въ достаточной мѣрѣ проведена мысль, что никто, какъ нѣмцы, такъ хорошо не знаетъ Россіи. И какъ люди разсудочные — они не ввяжутся въ войну съ ней.

Правда, въ переживаемое нами время, когда русскій крестьянинъ не имѣетъ собственной кормилицы земли, не имѣетъ права на жизнь и ли-

шенъ права свободнаго исповѣданія вѣры православной — то все возможно... При существующихъ условіяхъ для русскаго кростьянина — совершенно безразлично, кто имъ правитъ: жидъ-ли, грузинъ-ли, нѣмецъ или кто-либо изъ иностранцевъ или изъ инородцевъ. Но когда онъ (крестьянинъ) завоюетъ или отниметъ собственную землю отъ обманщиковъ, — для него не будутъ страшны ни нѣмцы и японцы взятые вмѣстѣ. Вѣдь русскій крестьянинъ за его курицу животъ распоретъ человѣку, а *за кусокъ собственной земли — не пощадитъ никого и ничего.*

И это нѣмцы понимаютъ лучше кого-либо!

Было время, то есть до 1917 года, когда насъ поражала каждая строчка кажущагося намъ страшнаго прошлаго.

Въ данное же время, не преувеличивая, не шаржируя и безъ всякихъ кавычекъ, совершенно искренно, надо признать, что всѣ эти люди прошлаго (русскій привилегированный классъ и интеллигенція) въ отношеніи крестьянъ были: шаловливыми дѣтьми, и игры ихъ (дѣйствія) — невинными проказами... Никто, рѣшительно никто, изъ участниковъ и очевидцевъ русской смуты, не станетъ отрицать этого!

Пережитое нами и видѣнное не поддается описанію и не можетъ быть даже сравниваемо съ прошлымъ!

Все, что появляется въ заграничной печати: въ видѣ разныхъ страничекъ „Краснаго террора“ В. Оржеховскаго, „Красной каторги“ Никонова-Смородина, „Россіи въ канцлагерѣ“ Солоневича, „Архива русской революціи“ Гессена, „Краснаго террора въ Россіи“ П. Мельгунова и прочаго — не производятъ уже на насъ должнаго ужаса. А ожидаемыя тысячи такихъ „страничекъ“ будутъ уже прочитываемы, съ должнымъ интересомъ, слѣдующимъ нашимъ поколѣніемъ.

Высказывая эти мысли, невольно напрашивается вопросъ, а читаетъ ли эту литературу хозяинъ русской земли — крестьянинъ?

Очень и очень затруднительно отвѣтить на этотъ вопросъ. Но несомнѣнно, что крестьянинъ имѣетъ свою собственную устную „литературу": болѣе пикантную, душистую, глубокую и правдивую; она имѣетъ „тиражъ" въ десяткахъ милліоновъ „экземпляровъ" по всей матушкѣ Россіи; передъ ней, даже такой знаменитый русскій магнатъ лубка Сытинъ кажется карликомъ.

Глубочайше вѣрю, что крестьянская литература, въ концѣ концовъ, выльется въ „логику", едва доступную нашему пониманію (убить для порядка), но похожую на ту, что приведена мною выше въ эпизодѣ 1905 года (крестьяне и помѣщикъ); только вмѣсто помѣщика будетъ фигурировать революціонеръ-профессіоналъ.

Логическимъ концомъ, въ нашемъ уже пониманіи, и который станетъ, главнымъ основаніемъ и фундаментомъ, — все тотъ же проклятый и вѣковой вопросъ крестьянина: „А какъ насчетъ собственной землицы-то"?

Заканчивая свое повѣствованіе, остаюсь, повторяю, прочно увѣреннымъ, *что крестьянинъ отобьетъ собственную землю*!

А становясь фактическимъ хозяиномъ земли Русской, крестьянинъ откроетъ казаку секретъ, какъ онъ бился за Россію, въ полномъ сознаніи, что по окончаніи и возвращеніи съ войны, у многихъ изъ нихъ не было: „ни кола, ни двора"...

А у казака всегда оставались: земельный надѣлъ, хата и худоба... Русскій крестьянинъ повѣдаетъ казаку, что онъ, казакъ, можетъ существовать только при царѣ! (читай „Казаки" „Ц. В." 1933 года № 338). Всякое „самостійничество" среди казаковъ крестьянинъ не дастъ осуществить, какъ порождающее и осложняющее запутанность земельнаго вопроса...

У Немировича - Данченко есть описаніе ночи, съ 1 на 2 марта 1881 года, проведенной Императоромъ Александромъ III; въ эту тяжелую ночь, Онъ долго и усердно молилъ Бога о помощи Ему. На утро, прибывшимъ во дворецъ сановникамъ, Государь объявилъ свое знаменитое: *направо*! Все стало ясно и понятно: военный министръ Милютинъ уѣхалъ навсегда въ Семеизъ (Крымъ), а министръ внутреннихъ дѣлъ Лорисъ - Меликовъ укатилъ въ Швейцарію.

Далѣе, одной изъ важныхъ предосторожностей было установленіе для евреевъ Ghetto... (кстати сказать, — только черезъ пятьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ Гитлеръ въ Германіи ввелъ эту же мѣру у себя, съ цѣлью обезпеченія въ проведеніи своихъ реформъ, для процвѣтанія, спокойствія, мира и увеличенія мощи страны).

Наступило для Россіи безпримѣрное, величественное, мирное и могущественное царствованіе Царя Миротворца!

Когда же наступитъ утро страшной ночи, длящейся уже двадцать одинъ годъ, чтобы нашъ юный Глава могъ - бы послѣдовать Своему Царственному Дѣду?

Вѣдь мы живемъ уже не по днямъ, а по часамъ, когда по всему лицу многострадальной Родины нашей уготованы затравочныя отверстія для взрыва...

Кто - же, смѣлый, бросить искру?

Николай Лабунскій.